

Н. С. Лесков. Ракушанский меламед

Рассказ на бивуаке

Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 т.
М., Правда, 1989; Том 5, с. 409-440.
OCR: sad369 (г. Омск)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дело было для нас неудачливо: мы отступили, но, к счастью, неприятель нас более не тревожил и давал нам время отдохнуть и оправиться. Мы расположились бивуаком в безопасном ущелье, разделясь самыми маленькими сторожевыми отрядами. Нашим отрядом командовал майор Никанор Иванович Плескунов, очень добрый, спокойный и мужественный офицер и изрядный оригинал, из вымирающей породы лермонтовских Максим Максимовичей. Он считал за собой одно немаловажное, по его мнению, преимущество, что с тех пор как произведен в офицеры, все время служил "в серых войсках". Так он называл таможенную стражу, по которой числился, состоя начальником небольшой команды на одном из весьма известных контрабандных пунктов на австрийской границе. Война с турками его рассердила, и он бросил свой "серый пост", и перевелся в действующую армию.

Майор Плескунов был не стар и не молод, не высок ростом, коренаст и немножко мужиковат в манерах и в движениях, но был, как я сказал, прямая душа, добрая, и во всех своих суждениях и взглядах на вещи оригинал. Он был беззаветно храбр, хотя по наружности казался изрядным рохлей: не горячился, не вскидывался, не подымался на дыбы, но не робел и не падал духом, а всегда и везде рассуждал и действовал с настоящим твердым мужеством и с "прохладкой". Похвальбы он терпеть не мог и считал ее недостойною военного человека и вредною.

- Это, - говорил он, - дело купеческое; наври, чтобы было можно из чего уступить, а потом и спускай. А наше дело солдатское, тут что Бог даст.

Понятно, что, держась такого правила, он не имел в своем обычае ни малейшей тени самохвальства и задора. Речей он никаких не говорил, ни обширных, ни кратких, кроме общего внушения:

- Делай свое дело, не стой на месте, когда шлют вперед, и не хвались вперед, чья будет горка, а работай.

Горка - это была его поговорка, то есть, чья возьмет, чей верх будет.

Солдаты Плескунова любили и называли его "настоящим командиром".

- Форсу, - говорили, - не задает, а воует как надо и судит умно: делай, говорит, как надо, а горку кому Бог даст, на то Его воля, а не твое распоряжение.

Хорош Плескунов был и с офицерами, и с нами, юнкерами, которых у него в батальоне было немало. Между нашими офицерами водились люди довольно различного калибра: были у нас и настоящие армейцы, были и "привилегиранты", прибывшие к Балканам из дальней северной столицы. Никанор Иванович не делал между ними никакого различия и держал себя со всеми с нами на самой короткой, товарищеской ноге, хотя, впрочем, очевидно, в деле оказывал больше доверия настоящим армейцам и политиковал, говоря, что "у привилегирантов мундиры дорого стоят, их надо пожалеть". Но, поступая таким образом, он все-таки не любил, чтобы армейцы задирали привилегирантов или как-нибудь над ними подсмеивались.

О храбрости Плескунова и о его преданности делу, за которое он пришел сражаться, покинув свою таможенную стражу, не могло быть и речи; первая достаточно доказывалась многочисленными рубцами, которыми все лицо Никанора Ивановича было изборождено от контрабандистов, с которыми он вел тридцатилетнюю войну, без единого дня перемирия. А что он считал войну за славян близкою своему сердцу, в этом убеждало то, что он оставил для нее свою старуху, о которой ничего не говорил, кроме как то, что "она набожна", но которую, очевидно, любил очень сильно.